

Они каждый взяли в руки своё оружие, готовясь к смертельной схватке.

Хорошо, что в радиусе ли вокруг не было ни одного здания, иначе всё бы превратилось в груды обломков и пыли.

Среди практикующих меч нет тех, кто не любит сражения.

Ученики Врат Меча особенно отличались этим — они с нетерпением сжимали свои мечи, желая оставить свой след в мире.

Скоординированно сменив позицию, ученики, составляющие формацию мечей, буквально врезались в окружение разбойников, их клинки не останавливались, и кровь, брызгавшая с остриев, казалась нескончаемой.

Се Жунцзяо тоже был практикующим меч.

Он был благодарен ученикам Врат Меча за помощь, но больше всего хотел сам расправиться с врагами.

Взмахнув запястьем, он выпустил десятки невидимых мечевых ци, исходящих с острия его меча.

Ветер и песок бушевали, раздувая его рукава с громким шумом.

На фоне этого шума десятки мечевых ци казались почти бесшумными.

Это не было скрытым приёмом, напротив, это было нечто величественное, слившееся с энергией неба и земли.

Разбойники, полагаясь на свой боевой опыт, отступали, уклоняясь от ударов.

Но меч Чжэньцзяншань не отставал.

Звук столкновения металла становился всё громче.

Он был густ, как ливень, капли которого бьют по земле; высок и пронзителен, как звук, когда ноготь танцовщицы скользит по струнам пипы, разрывая ткань.

Се Жунцзяо наносил удары всё быстрее, но его рука, держащая меч, оставалась непоколебимой, снимая оружие разбойников одного за другим.

В его руках был Чжэньцзяншань — легендарный меч, известный на протяжении тысячелетий. Сражаться с разбойниками таким оружием было всё равно что самому Цзян Цзинсину спуститься на поле боя.

Это было слишком жестоко.

Разбойников было много, но всё же их количество было ограничено, как и количество их мечей.

Однако энергия благородства наполняла небо и землю, неиссякаемая и бесконечная.

Если бы не ограниченные запасы духовной силы Се Жунцзяо, разбойники бы уже лежали мёртвыми.

И вот мечевой свет вспыхнул, пронзая защиту разбойников, вращавших свои мечи так, что казалось, будто они создали непроницаемую стену.

В следующее мгновение кровь хлынула рекой, и Се Жунцзяо, отбросив тело преграждавшего ему путь разбойника, устремился к главарю!

Когда главарь вызывал у него отвращение, он не мог не обращать на это внимания, но знал, что это мелкое раздражение, как и бесчисленные злодеяния главаря, будут завершены мечом Чжэньцзяншань.

Месть кровью не всегда правильна.

Но иногда только кровь может искупить кровь.

Фан Линьхэ повернул запястье, и его меч, который до этого лишь блокировал атаки главаря, внезапно взмыл вверх, словно дракон, выпуская ледяное дыхание тысячелетнего озера, наполненное смертельной угрозой.

Как главарь мог блокировать его удар, если уже едва справлялся с ударом Се Жунцзяо?

Как он мог блокировать удар Фан Линьхэ, который уже постиг три части истинной сути меча?

Разве что у него было бы четыре руки и два меча.

Но, к сожалению, главарь, убивший столько людей и совершивший столько злодеяний, всё же, как и обычный человек, имел только две руки и мог держать только один меч.

В следующее мгновение тело главаря стало холодным, как ци меча Фан Линьхэ.

Цзян Цзинсин убрал руку с меча Бацзи.

Он знал, что с момента появления разбойников их судьба была предрешена, и понимал, что ученики Брат Меча и его спутники без труда справятся с ними.

Но когда главарь открыл рот, ему очень хотелось швырнуть меч Бацзи ему в лицо.

— Как он посмел произнести такие омерзительные слова о моём ученике, которого я, Святой, лелеял и оберегал, боясь вызвать у него недовольство?

К счастью, главарь погиб от меча Чжэньцзяншань, что позволило Цзян Цзинсину выплеснуть накопившееся раздражение.

Он вернулся в повозку и, потягивая чай, насмехался над Лу Биньвэем:

— Брат Лу, зачем ты открыл защитную формацию? Разве в твоих глазах я настолько безрассуден, чтобы сразу бросаться в бой? Даже если бы я хотел действовать, я бы учитывал желание Ацы самому разобраться с этим отребьем.

Он милостиво прекратил подшучивать над робостью Лу Биньвэя и добавил:

— Что касается Ацы, он, как и положено моему ученику, ещё не достиг совершеннолетия, но уже не уступает Фан Линьхэ, а его удары мечом просто великолепны.

Какой меч может быть назван красивым Святым?

Даже дядя Се Жунцзяо, давно достигший этапа небесного человека, получил от Цзян Цзинсина лишь сухое «следует канону».

Кроме любви к ученику и предвзятого отношения, другого объяснения этому нет.

Лу Биньвэй с невозмутимым лицом смотрел на него, очень хотелось швырнуть чашку ему в лицо.

Но он не посмел.

Цзян Цзинсин, видя, как Лу Биньвэй сдерживает раздражение, почувствовал себя ещё лучше, и всё его недовольство исчезло.

Этот взлёт и падение были крайне опасны, для главаря это стало длиной всей его жизни, но на самом деле, когда он испустил дух, тела его подчинённых ещё не успели упасть.

Ученики Врат Меча вложили мечи в ножны, переглядываясь.

Они любили сражения, но не были глупцами.

Несложно было понять, что этот отряд разбойников обладал выдающейся боевой мощью. Если бы они не обнаружили их первыми, если бы разбойники уже выстроились в формацию, если бы боевой дух в первом столкновении не был так высок, и если бы в их рядах не оказался Се Жунцзяо, чья сила на этапе малой колесницы была впечатляющей, исход мог бы быть иным.

В любом случае, ситуация не была бы столь благоприятной, как сейчас, когда ни один ученик не погиб, и даже тяжелораненых не было.

Такой отряд разбойников должен был принадлежать одному из двенадцати племён Восточной Пустоши.

Даже если бы разбойники не хотели этого, их воля не имела значения, и им не давали слова.

Но когда этот отряд появился, на них не было ни одного знамени племени, и они выглядели как обычные, ничем не примечательные разбойники.

Что это значило?

Ученики Врат Меча не могли понять этого до конца.

Они лишь смутно чувствовали, что это путешествие будет не таким простым, как они предполагали.

Фан Линьхэ, лучше всех знавший этих учеников, встал и оглядел их, холодно спросив:

— Мечи на месте?

Ученики хором ответили:

— На месте.

Фан Линьхэ спросил снова:

— Люди на месте?

Ученики снова хором ответили:

— На месте.

Тон Фан Линьхэ был таким же твёрдым, как его меч, и чем твёрже он звучал, тем труднее было его поколебать:

— Мечи и люди на месте, даже если впереди нас ждут опасности, лезвия ветра и морозные клинки, чего нам бояться? Чего стоит бояться?

Слова Фан Линьхэ были полны духа практикующего меч, они были полны решимости и зажигали сердца.

Но когда его слова сбывались, было уже не до воодушевления.

За эти два дня они столкнулись с волнами разбойников, словно бесконечные ростки бамбука, пробивающиеся сквозь весенний ветер. Не только ученики Врат Меча устали настолько, что могли заснуть на любом клочке земли, не запачканном кровью, но даже Се Жунцзяо уже не мог уделять внимание своим привычкам.

Единственными, кто оставался свободным, были Цзян Цзинсин и Лу Биньвэй.

Первый был слишком силён, чтобы вмешиваться, и продолжал гадать на монетах и подшучивать над Лу Биньвэем.

Второй был слишком слаб, чтобы быть полезным, и продолжал время от времени что-то вычислять и подшучивать над Цзян Цзинсином.

Иногда крайности могут быть полезны.

Пэй Мин выглядел измождённым:

— Почему мне кажется, что Восточная Пустошь настроена против меня?

— С чего бы это? — его товарищ небрежно ответил. — Против тебя лично никто не настроен. Против всех, кто входит в пустошь Восточной Пустоши, это да.

Се Жунцзяо слегка приподнял бровь.

Этап малой колесницы был редким достижением, достаточным, чтобы стать уважаемым наставником в обычном клане или семье, принося славу предкам. Даже в Южном регионе, в одном городе и трёх сектах, такие, как Се Жунцзяо и Фан Линьхэ, не достигшие тридцати лет и уже достигшие этапа малой колесницы, считались выдающимися гениями.

Главы двенадцати племён Восточной Пустоши обладали лишь силой этапа большой колесницы. Как могло быть так, что этап малой колесницы стал настолько распространённым, что они встречали его на каждом шагу?

И всё же в их первой схватке на этой Северной охоте они столкнулись с главарём, обладающим силой этапа малой колесницы, а затем ещё с двумя или тремя такими же.

Частота была настолько высокой, что трудно было не заподозрить нечто неладное.

Цзян Цзинсин, услышав его подозрения, отнёсся к этому спокойно:

— Глава племён Восточной Пустоши скоро умрёт, разве нельзя позволить кузнечнику попрыгать перед смертью?

С другой стороны, Пэй Мин сжал кулак:

— Люди Пустоши действительно переходят все границы! Отряд за отрядом идут на смерть, как будто мы, практикующие меч, лёгкая добыча?

Он повысил голос:

— Нам нужно самим начать провоцировать их и преподать им урок, иначе постоянно обороняться — это слишком унижительно!

Фан Линьхэ даже бросил на него взгляд, полный одобрения.

Се Жунцзяо: ... Неудивительно, что в Вратах Меча появился Ян Жопу.

Он не мог понять логику Пэй Мина, который только что кричал, что умирает от усталости, а теперь хотел сам провоцировать демонических культиваторов.

Но это не мешало ему поддерживать эту идею.

— Уберите всю мечевую ци, иначе демонические культиваторы с глазами сразу поймут, что вы из школы меча, и, скорее всего, не захотят связываться, — Цзян Цзинсин сказал наставительно. — Хотя мы уже столкнулись с немалым количеством демонических культиваторов, но это были те, у кого глаз нет. Лучше всего привлечь и тех, у кого глаза есть, и тех, у кого их нет.

Фан Линьхэ с уважением ответил:

— Благодарю вас за наставление, учитель.

Цзян Цзинсин добавил:

— Навесьте на себя побольше золотых и нефритовых украшений, создайте впечатление, что вы очень богаты. Богатые, но не обладающие силой — это то, что демонические культиваторы не смогут упустить.

Он указал на Се Жунцзяо как на пример:

— Как Ацы.

<http://bllate.org/book/16198/1453611>